

Пообещай

Автор:

Вероника Мелан

Пообещай

Вероника Мелан

Будучи богиней справедливости, живущая на Небе Эмия Адалани ежедневно тратит время на то, чтобы воздать людям за их поступки: у одних отнимает небесную манну, другим добавляет. И каждый раз задается вопросом: почему люди совершают то, что совершают, – неужели это все чувства? Ей, жительнице Неба, где все спокойно, они давно забылись, ведь Боги Астрея не имеют тревог, лишений или проблем. В Астрее процветает изобилие, любвеобилие и пресыщенность, и все хорошо. Вроде бы... Только почему тогда ей так сильно хочется испытать давно забытую, но такую притягательную земную любовь?

Вероника Мелан

Пообещай

Email: ladymelan@gmail.com

www.veronicamelan.ru

18.03.2018

Глава 1

Начислить небесной манны за благое деяние, вычесть за неблагое – обычный рабочий день.

За те четыре часа, которые проводила за рабочим столом, Эмия просматривала сотни человеческих лиц – мужских, женских, молодых и старых. Детям начисляла не глядя – честные, открытые, они всегда славились благими намерениями, даже если дерзили, совершали ошибки, озорничали. С остальными сложнее – их приходилось пропускать через кончики собственных пальцев, чтобы ощутить чистоту помыслов; иногда богиня справедливости зависала на минуту или две, разглядывая изображения, силясь понять, что стояло за поступком того или иного человека.

– Привет, Эмми! Работаешь? Ну, и как там наши люди?

– Нормально.

Эмия как раз рассматривала фото дородной и толстощекой чернокожей женщины с лоснящимся от пота лбом.

– Дерутся, ругаются, спят?

– Как обычно.

Перед тем как приступить к работе, Калея, относившаяся к людской расе не то, чтобы с презрением, но с легкой прохладцей, долго смотрелась в зеркало. Касалась собственных волос пальцем, и те через каждые две секунды меняли цвет – оранжевый, розовый, фиолетовый, коричневый с красными прядями, светло-желтый, наконец...

– Какой мне сегодня оставить?

Вокруг ногтей Калеи вились золотые пылинки – последний писк моды. Эмия видела такие утром в электронном журнале, который проглядывала за завтраком. Уже давно хотела отписаться от периодики, но изнывала от скуки, если ничего не смотрела и не читала во время поглощения пищи. Павл не спасал – что с него взять? Красивый, услужливый, преданный. Робот. Конечно, он вел диалоги, заботился, спрашивал о ее пожеланиях, но темы для разговоров, равно

как и настроение Павла задавала, еще не вставая с кровати, Эмия. И разве интересно говорить с тем, кого настроил сам?

Калея, впрочем, часто напоминала Эмии Павла – начинала и заканчивала день одними и теми же фразами. Как сейчас – про людей.

– Оставь каштановые.

– Скучно.

– Тогда зеленые.

– К ногтям не идут.

– Смени ногти...

– Мне нравится желтая пыльца – ты себе не сделала?

Эмия не стала. Выбрала из предложенной на сегодня коллекции платьев подходящее – простое и белое, похожее на те, что носили их прародительницы в храмах, когда еще обитали на земле, добавила пояс, заплела волосы в косу. Все. По мнению ее коллеги, богини, обладающие могуществом моментально воплощать любые приходящие в голову идеи, просто обязаны были этим правом ежеминутно пользоваться. И Эмия для Калеи была скучна, как пошитая в подполье сумка для модницы.

– Что у нас тут? Четыре тысячи двадцать два человека? Я тут до ночи просижу...

Зеркало исчезло; Калея, остановившаяся сегодня на волосах цвета бордо и коже золотисто-коричневатого оттенка, со вздохом уткнулась в экран.

А за окном прекрасный Астрей – единый город Верхнего Мира. Облачная набережная, Ратуша Верховных Эфин (Эфины — боги Верхнего Мира.) [1 - Здесь и далее прим. автора.], парковка, часть Небесного Сада и вид на восточные апартаменты. Красиво, чисто и до боли знакомо.

Эмия посмотрела на экран и в который раз поймала себя на ощущении, что люди опять интересуют ее больше сородичей. Последние за прошедшие годы стали слишком предсказуемыми – должности, иерархии, соблюдения правил. А люди – они такие странные. Они жили короткую жизнь и в этой жизни, как умели, любили – из-за этой самой любви сходили с ума, творили великие вещи, создавали, разрушали.

Калея бы назвала людскую любовь болезнью; а в верховном Храме утверждали, что Верхний Мир потому и зовется Верхним, что хаотичная и неполноценная любовь – удел людей, Богам же присуща любовь всеобъемлющая и полноценная. В общем, другая.

Ровно в одиннадцать над Астреем возшла радуга, в половине двенадцатого, как всегда, неспешно угасла.

Калея пила второй по счету коктейль из разноцветного нектара и обсуждала по телефону с Эриосом – собственным женихом – район, в котором хотела бы жить после церемонии Объединения.

Сменяли друг друга фотографии на мониторе Эмии.

«Исмаил Конек: с утра пожелал купить новый шкаф, накричал на мать, отказался вести на прогулку брата. Злость – тридцать шесть процентов, благих намерений – ноль, корысть – плюс два... Итого: манна минус ноль сорок пять...

Ричард Бауэр: мысленно пожелал коллеге-преподавателю поперхнуться – минус ноль целых три десятых; Филипп Мортон, Зачек Тржевский – благих намерений нет, неблагих тоже нет, количество манны неизменно...

Ирэна Коль...»

Калея часто говорила, что люди несовершенны. Что они не умеют держать себя в руках, контролировать чувства, не знают, чего хотят, задаются глупыми вопросами и сами себя заводят в тупик.

Несовершенны, точно – тут Эмия была согласна.

Однако люди «кипели». Что-то в их сердцах горело, бушевало, вело вперед – что-то непознанное и неосознанное. И оно – это самое «непознанное», как вредоносный вирус в четкой решетке логики, отвергалось Богами с самого начала.

И оно же – «это самое» – бесконечно царапало разум Эмии вопросами.

Люди. Почему они делают то, что делают? Почему живут, как живут? Что такое – их несовершенная любовь?

– Слушай, Кал...

– Подожди, – подруга крутанулась в удобном кресле и прижала к трубке ладошку, – я сейчас закончу...

– Хорошо.

Разговор по телефону длился еще восемь минут.

* * *

– Слушай, а ты никогда не хотела попробовать стать человеком?

– Нет. Ради чего?

– Чтобы почувствовать их... жизнь, заботы.

– Развоплотиться из Богов, чтобы погрязнуть в заботах? Нет, спасибо.

Тогда почему туда тянет ее? Вопрос, оставшийся без ответа последние несколько месяцев (лет?).

Ресторан на втором этаже. Теплые и пряные эльфийские сквозняки, пахнущие карамелью, сверкающие фонтаны, тончайший фарфор и приготовленная в живом пламени еда – вкусная необыкновенно. Улыбки официантов накрахмалены пуще скатертей, уши ласкает музыка ангельских арф. Почему мне

здесь тесно? Что не так?

Наверное, всему виной однообразие и покой. В Верхнем Мире не существовало сумасбродства, случайностей, хаоса и беспорядков, и всех это устраивало.

- А я, знаешь... - пауза и зависшая в воздухе нерешительность, - хочу попробовать...

- Попробовать что?

- Стать человеком.

Калея подавилась крабом.

- Человеком?

- По-настоящему.

- Ты ведь шутишь сейчас?

Противно и слишком звонко стукнулся о тарелку выпавший из пальцев подруги нож, в их сторону обернулись головы - все как одна с прическами, укладками, завивками.

Эмия наклонилась вперед и зашептала горячо, сбивчиво:

- Мы живем вечно, но так одинаково.

- Одинаково? Да к нашим услугам все разнообразие Астрея!

- Но мне этого мало... Чего-то не хватает.

- Эй... Эй... - и выражение искреннего участия в черных глазах, - ты просто устала, слышишь? Эти мысли твои - они меня пугают. Возьми отпуск на две недели, слетай к волшебным источникам, искупайся, отдохни...

- Но я не устала.

Эмия отложила столовые приборы и покачала головой. Ее здесь не поймут. Нигде, судя по всему, не поймут.

Целых пять минут, пока тщательно выскребала мороженое из вафельной корзинки, Калея делала вид, что все в порядке. Потом не выдержала, укоризненно покачала головой и спросила с нажимом:

- Эм, ты помнишь о том, что люди всегда чувствуют негатив?

- Помню.

- Они не могут его не чувствовать.

- Знаю.

- Если ты станешь человеком и потеряешь хотя бы одну единицу манны из-за неверного поступка, тебя ждет Верховный Эфинский Суд - ты об этом знаешь?

- Я...

Калея не дала договорить:

- Они больше не воплотят тебя в Боги, слышишь? Они этого не сделают. А человеком ты сможешь прожить всего тридцать дней. Это... того стоит?

Доедали они в молчании.

* * *

(Fabrizio paterlini - The clouds)

Вечер.

- Нам прислали три корзины с цветами и одно электронное приглашение.

- Открой.

Одетый в трико, сверкая обнаженным торсом, как она любила, Павл кивнул. И воздухе тут же зазвучал мягкий баритон Романоса:

- Дорогая, прислать за тобой колесницу в девять? Сначала в Звездную Галерею...

- Закрой.

- Что-нибудь ответить Романосу?

- Ничего. Хотя, нет... Ответь, что у меня не подходящее случаю настроение.

- Как скажешь, Эмия. Что тебе приготовить: ужин, ванную, комнату для расслабляющего массажа?

- Ничего.

- Совсем?

Робот чувствовал ее странное настроение, но едва ли мог чем-то помочь.

- Позови меня, если...

- Позову.

Павл скрылся в соседней комнате – наверняка, принялся чистить белоснежный палас или протирать от несуществующей пыли предметы.

Иногда ей его хватало – своего помощника. Иногда. Когда Эмия ложилась в постель, закрывала глаза и представляла, что это не рука Павла, но того

человека, которого она искренне любит, – любит так сильно, что ее душат эмоции, слезы, чувства – все вместе.

«Боги так не любят, – упрекнула бы Калея. – Наша любовь ко всем одинакова...»

Одинакова... Как будто ее нет ни к кому. Странная любовь.

Романос, Пелиогос, Донт, Эреон – у нее было много ухажеров, но все они казались ей одинаковыми, как шпалы рельсов призрачного трамвая.

Эмия вновь смотрела на свои просторные апартаменты пустым взглядом. Если она не решит с кем-нибудь Объединиться, то проживет здесь еще день, потом еще сто дней, потом еще тысячу. Вечность за вечностью в одиночестве.

Или выбрать того, к кому ничего?...

Сверкала за прозрачным стеклом накопленная ей за годы работы в Конгломерате Справедливости небесная манна – золотая, переливающаяся, невесомая, как пыльца. Каждая крупинка, словно маленькая Вселенная, будто несостоявшееся еще пока замечательное событие, чудесный поворот – рождение, смех, неожиданная встреча, всплеск чувств... Если бы Эмия захотела.

Но ведь чувства должны рождаться сами по себе, разве нет?

Туда, за стекло каждый день добавлялось по несколько золотых единиц – зарплата из Конгломерата. Но тратить не на что – Боги воплощали свои желания без манны. Это люди... Скольким на Земле помог бы ее запас? Паре десятков, сотен, может, даже тысяч человек? Они могли бы снести ее всю к Жертвенным Воротам – по крупице, по несколько, горстями. Ворота принимали все. Как много счастья породил бы каждый сияющий всполох? Кого-то вылечил бы, кому-то подарил бы любовь, кому-то немного денег. Люди в силу чрезмерно бушующих внутри них чувств копили манну плохо. Почти не копили, и потому часто страдали.

Черт, она опять думает о работе. Потому что работа для нее интересней всего.

Спустя еще час, после легкого ужина и бокала вина ее развезло на философию. Идти все равно никуда не хотелось; Эмия лежала на пушистом диване, закинув ноги на спинку и в который раз пыталась ощутить в себе Божественную Любовь, но вместо этого ощущала тишину. Может, тишина, отсутствие бед и забот и есть Любовь? Может, она и состоит из абсолютной гармонии, из недвижимого созерцания, из пустоты, в конце концов? Но как же тогда любовь к мужчине?

Наконец, не выдержала, подошла к компьютеру, включила.

- Снова работать? - появился в дверном проеме Павл, и она мельком глянула на него.

- Да. Не знаю... Может быть.

- Ты сегодня не определена.

«Сегодня. И вообще».

- Хочешь, сегодня я стану блондином? Подлиннее чуб, короткая бородка?

- Нет.

- Брюнетом?

- Ты и так брюнет.

- Да, но я стану другим брюнетом.

- Не хочу.

- Я пытаюсь тебе помочь.

- Уйди.

На лице робота мелькнуло вполне правдоподобное обиженное выражение - она сама запрограммировала его на максимум эмоций. Но и этого максимума ей не

хватало. Слишком одинаково, пресно, плоско, однообразно. Надоело.

Почему она не такая? Ведь, как все, – одна из тысячи дочерей Великого Бога Крониса, Эфина, жительница Атрея, завидная невеста... Правда, у нее с периода взросления отмечали нестабильность эмоциональных полей, но в пределах допустимого. Может, ситуация ухудшилась? Проверить? Нет, проверять не будет, потому что тогда ее могут перевести из Конгломерата Справедливости куда-нибудь еще. А Эмия любила свою работу. Людей. Лица. Их жизнь.

«Любовь земного мужчины – какая она?» – создала запрос системе.

И тут же получила ответ:

«Неоднозначная. Мягкая, нежная, сильная, бушующая, страстная, нестабильная. Доводящая до сумасбродства, до приступов ревности, побоев...»

Подобная формулировка напугала бы Калею до чертиков.

Эмию она заставила прикусить губу.

Звезды в вышине складывались то в одно созвездие, то в другое, чередовались, танцевали, подмигивали – красиво. Кронис дал Богам счастливую жизнь – идиллию: километры волшебного пространства, пропитанные флером чего-то тонкого и необыкновенного ночи и наполненные искрящимся светом дни. Возможность иметь семью, в которой никогда не ругались. Детей, если подождать пару тысяч лет после Объединения.

Долго.

Эмия сидела, уткнувшись в экран монитора, – на дом она брала чужую работу, свою успевала сделать за первые три часа в офисе.

Павл отстал. Затих в самой дальней комнате – наверное, спал, подключившись к зарядному устройству.

С экрана смотрели сегодняшние «клиенты» Калеи: снова мужчины, женщины, старики, дети.

«Мария, одиннадцать лет, молилась за здоровье матери, сестры, просила Бога подарить им в семью еще одну сестренку, ведь дети такие хорошие...» Плюс балл манны.

«Леон Власкис, сорок три года, четыре раза проклял соседей за поднятый во время вечеринки шум...» – Эмия прощупала глубину проклятий – только слова, ничего серьезного. Минус ноль целых и тридцать десятых манны. Если проклясть по-настоящему, можно схлопотать до минус десяти целых за раз.

Чудные они – пьют, ругаются, молятся друг за друга.

«Они друг другу не чужие» – вдруг подумала Эмия. Гораздо более близкие, чем Боги в вышине... Глупая мысль.

Начислить... подтвердить... пробел... ввод. Следующий.

На следующее фото она засмотрелась.

Мужчина, молодой, не больше двадцати пяти – не красивый, но симпатичный. Не такой рафинированный, как все здесь, не идеальный и не лощеный. Уникальный, сам свой.

Она в который раз поймала себя на удивлении – люди всю жизнь живут в одном теле. Не могут поменять внешность, стареют, смотрят на одно и то же отражение в зеркале каждый день. Она может смотреть на триста восемьдесят разных за минуту. Может стать худой, полной, плоской, «выпуклой», неприметной, яркой, как две капли воды на кого-то похожей. А они...

Незнакомый парень завораживал. Чем? Застывшим в глазах раздражением и глубокой в них же печалью. Жесткими складками вокруг не улыбочивого рта, снисходительно-презрительным выражением лица. Он будто говорил фотографу: «Ну, все, я постоял перед объективом секунду, теперь отвали от меня».

Но небесные фотографии – системы считывания – сканировали не лица, но ауры, и, значит, лицо на экране сформировалось именно из такой вот «отвалите от меня» печальной и чуть злой ауры.

Эмия глаз оторвать не могла от монитора.

Почему у местных парней не бывает на лице таких выражений, как у этого? Ровный, но, кажется, когда-то перебитый нос – довольно узкий и «модный» по здешним меркам. Ежик русых волос на затылке, спадающая на лоб челка; продольные морщинки-линии на лбу – они, как ни странно, его не портили. Чуть разросшиеся брови, щетина – не идеальная, как у красавцев-Богов, но настоящая, потому что подбородок брили дня три назад и наспех...

Эмия вдруг поймала себя на том, что улыбается, – парень был настоящим. Она даже не стала читать, совершил он сегодня благие дела или неблагие – ей просто нравилось лицо.

– Павл?

Тишина в квартире.

– Павл?!

– Иду, – слышалось откуда-то издалека. – Звала?

– Да, звала. Подойди сюда, посмотри на фото. Считай максимальное количество информации об этом человеке и стань им. Максимально стань, ладно?

– Хорошо.

Робот подошел к столу и замер – подключился к единой справочной системе. И уже через секунду начал меняться – откуда-то взялась незнакомая синяя клетчатая рубашка, укоротились и посветлели волосы, изменило форму лицо – более выпуклыми стали скулы, менее выпуклыми и чуть более ровными губы.

– Музыку, – дала команду Эмия, – пусть играет «Пообещай мне» Элизы Келлинтон.

Земная музыка ей нравилось больше всего. И сейчас хотелось танцевать – не с Павлом, но с «этим».

И вот он, совсем такой же, как на фотографии, уже стоит рядом – разглядывает Эмию с удивлением, будто видит впервые. Замечательно! Она рассмеялась и потянула его на центр комнаты за собой.

– Все, Павл, завершил трансформацию? Давай потанцуем.

(Birdy – Silhouette [Beautiful Lies])

Робот больше не был роботом – он был кем-то другим. Пах по-другому, ощущался по-другому, касался ее иначе, смотрел так, будто только что нырнул из одного сна в другой и теперь сам не понимал, где оказался.

– Ты такой... чудесный.

А Эмия двигалась из стороны в сторону с нескрываемым наслаждением – «новенький» нравился ей невероятно. Его щетина, светлый тон кожи, странного оттенка глаза – не то темно-серого, не то холодного шоколадного – разглядеть наверняка не получалось из-за полумрака гостиной. Нравилась его «неидеальность» – чуть ближе, чем у большинства, посаженные глаза, не пухлые губы, короткие на затылке волосы – в Астрее так не стриглись, потому как «гривами» дорожили даже мужчины.

– Ты классный. Нравишься мне...

Незнакомец вел себя чуть скованно и в танце двигался менее уверенно, нежели она. Эмия же, не стесняясь, гладила и обнимала крепкие плечи сквозь фланелевую ткань рубашки.

– Кто... ты? – вдруг раздался тихий и настороженный вопрос.

Она тихонько рассмеялась.

- Павл? А ты вошел в роль...

- Я...

Ее вдруг отпустили – руки разжались, – и совсем не похожий на Павла гость остановился посреди комнаты. Со странным выражением восхищения и неприязни осмотрел просторную красивую комнату, изрек:

- А неплохая хата. Это сон?

Затем подошел к окну, долго пытался понять, что за пейзаж за окном. Эмия изумленно усмехнулась:

- Павл... Что с тобой?

- Где я?

- Павл?

- Я не...

И снова долгий взгляд на нее. Мужчина в рубашке вернулся к Эмии, заглянул ей в глаза со смешком и долей дерзости, мол, «гулять, так гулять, а в остальном разберемся завтра...»

- Красивая, – улыбнулся и провел по ее щеке тыльной стороной указательного пальца. – Может, сбежим отсюда?

Эмия забалдела до состояния эйфории, обняла нового знакомого так, будто никогда не желала отпустить, и счастливо кивнула:

- Сбежим. Хочешь? Прямо сейчас...

Сегодня она будет спать счастливая. С ней будет настоящий человек!

Но фигура в ее руках вдруг подернулась рябью помех, и Эмию потрянуло разочарование:

- Павл, нет! Только не сейчас, я не приказывала!

На несколько секунд робот перестал работать, а когда очнулся, почти моментально принял свою прежнюю внешность.

- Нет! - колотила по его груди Эмия. - Верни все, как было!

- Прошу прощения, Эфина, я считал ауру объекта слишком глубоко и на время позволил ему взять надо мной контроль.

- Верни все!

- Нет, Эфина, не могу, - Павл, ставший прежним собой, пожал плечами. - Моя система уже сообщила о случившейся ошибке в Конгломерат, и теперь глубокий доступ заблокирован.

- Дэймон тебя раздери, я куплю другую куклу!

- Всем «куклам», Эфина, - робот обиделся, но быстро взял себя в руки. - Мне снова принять внешность того человека?

- И ты снова будешь себя вести, как он? Смотреть? Касаться?

Эмия вдруг ощутила себя маленькой девчонкой, стоящей на пороге грандиозной волшебной сказки, - шаг, и ты опять в приключении.

- Нет, я буду вести себя собой, - огорчил ее Павл. - Так мне менять внешность?

Несколько секунд ошарашенная и поверженная Эмия не могла говорить - она жадно, почти до сумасшествия желала вновь ощутить рядом кого-то... непредсказуемого. Того, кто еще минуту назад был рядом.

- Иди... Уходи... Принеси мне вина.

– Ты вновь не определена. Хочешь, чтобы я добавил в вино успокаивающие пряности?

– Уходи. Просто уходи.

Робот в трико и с обнаженным торсом вздохнул, после чего двинулся к выходу из комнаты.

Он был таким... реальным. И совершенно другим. У нее вдруг взбеленились все до единого рецепторы, по телу до сих пор гуляли незнакомые доселе волны ощущений. Павл, черт, Павл... Сообщил об ошибке, все испортил! Идиотский робот, тупой мешок с псевдоинтеллектом...

Эмия поймала себя на негативе – на раздражении, граничащем со злостью. Это все ее нестабильные эмоциональные поля. Может, это из-за них она мечтает о ком-то дерзком, живом?

Комната рябила чужим присутствием.

Тот парень... Он за несколько секунд колыхнул ее так, как никто и никогда. Она будто проснулась, стала чувствовать в сто раз сильнее, чем когда-либо до того.

Люди...

Они такие...

Она хотела к людям.

Надо прочитать о нем, узнать больше...

Эфина, колыхнув подолом белого платья, быстро направилась к компьютеру.

«Дарин Романович Войт, двадцать четыре года (имя необычное, редкое), проживает в бывшей стране Советов, ныне именуемой Великой Русской

Державой. Русский. Мать русская, отец поляк. Вырос в детдоме при живых родителях, потому как «ЧЕНТ».

ЧЕНТ. Это слово встало в мозгу Эмии, как палка в колесе несущейся на полной скорости колесницы.

«Ч.Е.Н.Т – человек несовершенного типа...»

Они – такие люди – стали рождаться на земле не так давно, всего лет тридцать как. Тогда же, когда из неизвестности возникли вдруг в лесах предгорья Жертвенные Ворота.

Эмия догадывалась, что Ворота возникли не из «ниоткуда», и что Великие Эфины приложили к этому руку, но точными данными ни она сама, ни система не обладали.

Значит, «чент»... Человек, обреченный умереть в определенную дату, обозначенную в собственном ДНК.

Таких детей исследовали сразу после рождения – опознавательным знаком служила точка в окружности на запястье, – а после, согласно законодательному праву, забирали у матерей, чтобы поместить в интернаты. Позволяли пробыть в семье год, если соглашались родители. А те почти никогда не соглашались – привязывались, потом плакали.

Дарин уехал в интернат в возрасте одного месяца.

И умереть, согласно предсказанию, ему предстояло через тридцать два дня.

Она зачем-то распечатала его фотографию, взяла с собой в постель и долго не гасила ночник.

«Уровень радости жизни: двенадцать процентов...»

Один из максимально низких.

Хотя, какая радость, если скоро умрешь?

Чуть ближе, чем обычно, посаженные глаза, настороженный взгляд, застывшее в зрачках неприязненное затравленное выражение – оно стало ей понятно. И вот почему морщины на лбу и плотно сжатые губы, вот почему нет улыбки в ауре.

Чент. Месяц жизни.

Жаль, что Павл не смог удержать иллюзию – у него так хорошо вышло.

«Давай сбежим...»

Касание щеки, невеселое веселье во взгляде, безуминка в словах – желание сбежать от судьбы хоть куда-нибудь, хоть на край земли, хоть за небо...

И он действительно выглядел так, будто присутствовал здесь: удивлялся по-настоящему, изумлялся, назвал ее апартаменты «хатой».

Чтобы уточнить значение слова, ей пришлось открыть человеческий словарь.

Забавно.

Фотография отправилась под подушку; Эмия погасила ночник.

Вздых и тоска в воздухе – не посчастливилось ей спать, обнятой человеческим мужчиной.

Павл в наказание ночевал стоя и возле своей розетки.

Глава 2

Утро.

Калея была сегодня отчаянно-рыжеволосой, почти что красной – Эмия, чтобы не раздражать глазные рецепторы, старалась не смотреть в сторону. Щелкали по клавиатуре пальцы; всплывали фотографии, имена, описания совершенных поступков. Туда-сюда ходила манна – сливалась из одних столбиков, наполняла другие.

Эмии некстати подумалось о том, что у Дарина в запасе всего три единицы – ничтожно мало. Наверное, часто злился, отчаивался, хандрил. Может, редко помогал товарищам, а, может, совсем этих самых товарищей не имел. Не часто был благодарным...

«А она в его случае была бы? За обрубок жизни?»

Ей нужно думать не о нем, а о тех, кто на экране.

Однако вчерашнее фото теперь покоилось в сумочке между листами блокнота, куда иногда в приступах вдохновения, записывались стихи. Довольно примитивные – люди часто писали лучше, – но ей нравился сам процесс.

– Ты вчера отказала Романосу?

Калея отчаянно любила сплетни – собирала их так тщательно, как не собирала утреннюю прану с листьев небесных васильков.

– Отказала. Решила вечером поработать.

– Послушай, ты уже пала ниже облаков в моих глазах. Поработать? Вечером? Он, между прочим, собирался сделать тебе сюрприз: встретить тебя, увитый в гениталиях цветами родондроза, голым. Пригласил Юпитреса...

– А Юпитреса для чего?

– Чтобы вам было веселей...

Ох уж эти групповые забавы! Куда делись старые ценности, почему плотский произвол ныне считается лучшим развлечением? Хотя, так было во все времена.

– Я семью хочу...

– Так с чего-то нужно начинать?

– С чувств. А не с телесных утех с Юпитресом.

– Зажатая ты! – припечатала ее, словно штампом «старая дева», подруга. – Скучная до невозможности. Сегодня представление чешуйчатых нимф на Зарраканском Прудку. Идешь?

– Нет...

– Слушай, может, твой Павл так хорош, что ты из дома не выходишь?

– Может.

Эмия уже забыла, насколько хорош Павл. Но помнила о том, что всегда думала о нем, как о роботе, даже если поддавалась уговорам на редкие ласки.

– А-а-а, – Калея прищурила глаза, – я поняла! Ты метишь на место в Верховном Конгломерате, выслуживаясь сверхурочно, так?

– Наверное.

Лучший способ запутать чье-то любопытство – это соглашаться со всем сказанным.

«Место в Конгломерате?» Творить Небесное Законодательство? Вот это точно скучно.

Эмии вдруг подумалось о том, что девяноста семи единиц манны хватило бы Дарину для того, чтобы продлить жизнь до «бесконечности». Человеческой, конечно же. Если бы он принес их к Жертвенным Воротам...

А в памяти опять фото.

– Я обедать. Идешь?

– Через пять минут.

– К нам в отдел пришел новенький, хочу посмотреть.

– Расскажешь потом...

Конечно, расскажет – не сможет не рассказать.

– Если не просидишь тут до вечера, увидишь его сама. Говорят, красивый невероятно – золотогривый, крепкий, ляжками похож на кентавра.

– Очень... сексапильно, – пробубнила Эмия безо всякого интереса.

– В общем, жду внизу.

– Угу.

«Девяносто семь единиц».

У нее в запасе будет сто своих. Если... Если...

Нестабильно и часто забилося любопытное сердце.

«Интересно, можно ли с собой прихватить еще девяносто семь?»

* * *

Жуя листья салата в ресторане, она выглядела так сосредоточенно, будто проворачивала в уме схемы строения Вселенной.

«Девяносто семь – мало».

А если форс-мажор? Приступ агрессии, вспышка ярости, случайно вырвавшееся проклятье? И минус драгоценные крохи сияющей субстанции – Эмия однозначно должна иметь в запасе не меньше ста единиц. Лишних. Их нужно сразу же «законсервировать» на точных условиях передачи...

Черт, она собралась на Землю?

– ... ты меня слушаешь? Говорят, если намазать его на запястья, то всему телу такие ощущения, как мурашки, только частые и яркие...

Эмия не слушала. Ни про чудо-крем, ни про новую колесницу Эриоса, ни про возможности левитирующих Богов дышать под толщей речных вод – «ведь они тогда и в бассейнах смогут, представляешь?»

Чушь какая... При чем здесь бассейны?

Что она помнит о наказании Эфин, преступивших закон? И преступление ли это, если она захватит с собой лишний сосуд с манной? Нужно вечером больше узнать о развоплощении – правила, запреты, ограничения... Чтобы без сюрпризов.

– Вот он! – зашептала Калея так громко, что вся женская половина ресторана моментально повернулась и посмотрела на вход. – Зареон, наш новенький!

Со всех сторон ахали, сладострастно содрогались, обмасливали взглядами высокого и ладно сложенного мужчину. Сладко в предвкушении чмокали напомаженные губы; тек по залу шепоток с придыханием.

Эмия смотрела на парня с золотистыми волосами до плеч, как на старый поцарапанный комод, заполненный макулатурой, – не на Зареона даже, сквозь него. А заодно сквозь стены ресторана и пространство Астрея – на воображаемое лицо Дарина, прототип которого существовал где-то на Земле.

И бился в уме один-единственный лишенный логики вопрос: ей будет с ним рядом так же... как с Павлом во время последнего танца?

* * *

Первая тысяча лет – ваш «век» развлечений, учили Старшие Боги. Наслаждайтесь праздным бытием и ничегонеделанием. Отдыхайте, воспевайте Создателя, творите, восхищайтесь, живите в радости – заслужили.

Старшие призывали молодых поклоняться Кронису – Богу времени – тому, кто лично отбирал души, которым предстояло обрести божественное воплощение.

Эмия, Калея, Зареон, Юпитрес и еще десятки им подобных – молодняк. Когда-то в далеком прошлом люди, достигшие «земного» просветления, те, кто набрал максимальное количество манны благими поступками.

Заслужили...

«Пройдут годы, и ваша праздная жизнь дополнится ответственностью – вы приобретете новые роли в повелевании людскими судьбами, обретете могущество...»

Могущество Эмию пока не интересовало. А вот определение «пройдут годы» навевало на нее такую пресную скуку, какую не навевала бы обещанная следующие три тысячи лет по утрам сваренная на воде овсянка.

Пройдут годы...

Если Кронис когда-то ее отобрал, значит, чувствовал в ней божественный потенциал.

Однако, похоже, не учел того, что Эмия в роли человека не нагулялась.

* * *

– Снова стать этим человеком? Ты уверена, Эфина?

– Уверена. И дай ему полный доступ, как в прошлый раз.

– Я уже говорил, что полный доступ более невозможен.

- Дай максимально полный из дозволенного. И просто побудь им.

Павл будто ревновал.

- Давай, я жду.

Вздых, раздражение, насупленный взгляд – нет, она позволила этому роботу выказывать слишком много эмоций.

- Он тебе нравится?

- Не твое дело.

- А что в этом доме мое? Заряжаться? Вытирать пыль, мыть полы, посуду?

- Павл!

- Слушаюсь, госпожа.

Трансформация сопровождалась длинным и укоризненным вздохом.

На нее снова смотрел другой. И поле в квартире изменилось, завибрировало незнакомыми эмоциями. А взгляд такой, какой ее робот никогда не смог бы симитировать, – удивленный, раздраженный, делано-безразличный. Все потому что где-то очень больно внутри.

Она видела, как стоящий перед ней человек привычно старается защититься от того, что не понимает, боится снова испытать страдания – вероятно, сейчас Эмия ему снится. Или чудится в мыслях, и он не понимает, зачем и почему.

- Привет.

Павл зажал Дарину и рот, и мимику, и движения.

- Помнишь меня?

Во взгляд прокралась дерзкая, но почему-то грустная улыбка – мол, помню, только «что толку?»

– И я тебя помню.

Чужое для него тело, чужие глаза, прикинувшиеся его собственными – Дарин глядел на Эмию словно давным-давно запертый в клетке зверь, чья шерсть давно свалялась. Зверь, который давно отвык от вкусной еды и свободы, покорился судьбе и теперь лежал в дальнем углу, ожидая кончины.

– Не грусти, слышишь?

Она коснулась своими пальцами теплой мужской руки, ободряюще сжала ее.

Павл смог заблокировать многое, но все же незнакомый ей доселе запах мужской парфюмированной воды пробрался наверх вместе с аурой. Эмия приблизилась к мужскому лицу и вдохнула запах кожи – другой, человеческий, едва уловимый. Моментально вскруживший ей голову тем, что был другим, запретным здесь.

– Скажи, а я тебе нравлюсь?

Сквозь зрачки мелькнуло раздражение Павла.

А Дарин смотрел на нее иначе – как на торт, который он никогда не попробует и который давным-давно перестал хотеть. Зачем травить душу чувствами, которых не испытать?

– Ты любил когда-нибудь?

Он схлопнулся болью и раздражением – отстань с дурацкими вопросами.

– Хочешь попробовать? – не отставала Эмия. – Хочешь? Вместе?

Никогда она не видела такого взгляда – тоскливого, усталого, совсем на самом деле не злого. Просто Дарин давно перестал верить в чудеса, еще с интерната.

– А хочешь, я приду? – Эмия чувствовала, что не может сглотнуть ком, вставший в горле. – Приду на самом деле?

И вдруг почувствовала, как ее пальцы порывисто сжала мужская рука, – хочу, приходи.

Павл взбрыкнул, как пришпоренный в области паха бык:

– Вот же какой... упертый! А сила воли! Пробился через защиту, руками задвигал! Да меня из-за него пожизненно деактивируют...

Робот стал собой, но его вид отчего-то стал Эмии неприятен.

– Умолкни.

– Я, между прочим,...

– Два часа полного молчания!

Она вдруг приняла решение. Дурацкое, спонтанное и, вероятно, самое глупое за все время пребывания в Божественной ипостаси.

Дарин пробился сквозь чужую защиту... смог.

Он был человеком – диким, неудержимым, спонтанным, не забывшим о том, как это – сильно чего-то хотеть.

А она вдруг поняла, что без длительных дум относительно «за» и «против» променяла вечную жизнь на грядущие тридцать дней неизвестности.

Глава 3

(Kodaline – Autopilot)

Центр трансформации располагался в правом крыле здания Верховного Суда, на который Эфины и смотреть-то лишний раз не рисковали и куда Эмия этим утром шла вприпрыжку.

Всю дорогу вился вокруг нее веселый, пахнувший гвоздикой и сахарной пудрой ветерок, любопытствовал – куда идешь, зачем? Слизывал с лица попутчицы хитрую улыбку – отражался в глазах прозрачной синевой бескрайнего купола.

Через два часа вспыхнет над Белоснежной Башней радуга, и прозвучит по всему Астрею ангельский аккорд, но Эмия его уже не услышит. И Калее придется временно поработать одной. Ничего, ей дадут другую сотрудницу – возможно, следящую за модой, – им будет о чем поговорить...

* * *

– Эфина Эмия Адалани, уверены ли Вы в своем решении о развоплощении из божественной ипостаси и желании приобрести на время тридцати Земных дней ипостась человеческую?

– Уверена.

– Тело: мужское или женское?

– Женское.

– Возраст?

– Двадцать два года.

– Желаемая внешность?

Эмия сошла со светящегося подиума, на котором стояла и подошла к высокому зеркалу.

Внешность? Внешность... Надо же, она не придумала заранее и теперь смотрела на себя с замешательством. Молчал Перерождающий Оракул – позже она должна будет шагнуть ему в пасть для того, чтобы изменить и форму и смысл.

Нужно придумать быстрее. Совсем не хочется, чтобы весть о ее решении разнеслась по всему Астрею и привлекла внимание Старших Богов, которые обязательно нагрянут для того, чтобы «втолковать» ей, к чему ведут поспешные действия, сформированные незрелым разумом. К тому же Старшие обязательно заметят, что она растворила в своей ауре сто лишних единиц манны, которые соберет обратно эфирный флакон по прибытию на Землю. Оракул о них не спросит – не его это поле интереса, – а вот остальные...

– Я останусь такой же, – приняла она быстрое и спонтанное решение. Такой же – это молодой девушкой с симпатичным лицом, чуть зауженным подбородком и веселыми серыми глазами. Густыми прямыми волосами цвета льна, чуть вздернутым носиком и озорной улыбкой. В конце концов, Дарин видел ее именно в этом образе – том, который она не меняла на протяжении последних месяцев, – уж очень чистым и светлым он ей казался.

«А, может, он мечтает о томной красивой женщине?» А она – больше девчонка...

Но сердце подсказало – нет, Дарин не падок на форму, скорее, на содержание. И лучше такой, какая она есть сейчас.

– Закрепите образ в вашем сознании.

– Закрепила.

– Фиксирую.

Эмия – нагая – шагнула обратно на подиум. Да, она не «выпуклая», как Калея, зато легкая, тонкая и гибкая. Грудь есть, попа есть...

Большой зал с подиумом в центре был залит белым светом. Вихрились вокруг округлой площадки золотые восходящие потоки; мерцали и плыли далекие, без единого угла стены.

– Эмия Адалани, будут ли у Вас дополнительные пожелания перед тем, как Вы временно потеряете Божественную форму?

– Будут, Оракул. Мне нужна одежда, обувь, украшения, – подумала. Неуверенно добавила: – Сумочку, наверное...

Она так давно не была женщиной, она совсем не помнит...

– Что-нибудь еще?

Поле вокруг здания Суда вдруг завибрировало, заволновалось – Старшие!

– Нет! – почти что взвизгнула Эмия. – Отправляйте сейчас.

– Знакомы ли Вы с последствиями потери единиц Небесной Манны во время...

– Знакомы. Отправляйте!

Откуда-то издалека звучали низкие и зычные голоса. И голоса приближались.

– Отправляю.

Верхний Мир растворился до того, как в Зал Трансформации вошли гости. И сразу после от страха бухнуло сердце Эмии – возможно, Верхний Мир только что исчез для нее навсегда.

* * *

Земля.

(The Script – I'm Yours)

В пыльное стекло аптеки она смотрелась, как не смотрелась ни в одно другое зеркало на свете – касалась то собственных прямых и длинных светлых волос, то воротника драпового бежевого пальто с аккуратным пояском и приколотой на груди брошью. Трогала себя за кончики ушей, все желала ущипнуть – вдруг проснется? А там Калея, Павл – они скажут: «Ты спала...»

Но нет, здесь Земля.

Новая Эмия. Человек. И теперь ничто не изменит этого – тридцать дней новой жизни. Она до сих пор поверить не могла – в окне аптеки, сквозь которое виднелись витрины внутренних стенов и очередь к кассе из трех человек, на нее смотрела симпатичная и довольно наивная на вид девчонка. Совершенно человеческая.

– Нет, здесь, в Бердинске, этого лекарства не бывает, – проскрипела, жалуясь кому-то, старушка за спиной, – только, если ехать в Колмогоры. А там за автобус только двести пятьдесят рублей отдашь (и это с пенсионным!) – какой смысл?

Дул промозглый мартовский ветер, соломенные волосы трепались вокруг лица, облепляли щеки, закрывали глаза – Эмия убирала их пальцами и вновь смотрела на собственное удивленное отражение.

Бердинск, верно. Хорошо, что Оракул расслышал, когда она диктовала адрес. Улица Ставропольская – все, как просила, – номер дома не важен. Разберется.

– Все, хватит на улице есть! Вторую конфету дома развернешь...

Мальчишка лет пяти канючил громко и с толком – ворчащая мать почти сдалась.

Это этим людям еще вчера, сидя за компьютером, она начисляла манну. А сегодня они стали ее ближайшими соседями на ближайший месяц. Как странно, как чудесно и замечательно. От того, что Эмия неожиданно ощутила бурный поток радости, смешанный с перчинкой страха, она рассмеялась. Еще раз оглядела себя в стекло с наклеенным справа листом «Пенсионерам скидки 10 %», покружилась вокруг собственной оси, почувствовала – еще секунда, и от ее улыбки треснут щеки.

«Теперь нам с тобой жить, тело. Тридцать дней», – она мысленно пообещала себя беречь, возбужденно вздохнула, бегло оглядела собственные коричневые сапоги, сумочку, мысленно поблагодарила Оракула за теплые колготки.

Хитро взглянула на небо и прошептала Калее:

– Сегодня ты работаешь одна.

Вокруг урны валялись окурки, бумажки. Здесь плевали прямо на тротуары, ругались слишком громко, иногда толкали друг друга плечами. Запрыгивали в автобусы с заляпанными слоем грязи боками, смотрели сквозь друг друга и постоянно спешили.

Здесь куда-то спешило все: порывистый и колючий ветер, переменчивые и слишком быстрые, совсем не как над Астреем непостоянные облака. Бежали по своим делам люди; бежала рябь по лужам, бежало время. Спешили выстрелить из бутонов почки – у всех срок ограничен, всем нужно что-то сделать, что-то успеть, хоть как-то и хоть сколько-то пожить.

Эмия не бежала.

Она смотрела на тонущие в лужах возле талых сугробов стволы деревьев, на покрытый бурой кашей асфальт, слушала матерки поскользывающихся на льду людей и улыбалась.

Да, слишком много энергии, спешки и жизни. Слишком холодно ушам и коленкам, слишком ярко светит весеннее солнце и чрезмерное количество хаоса и сумбура.

Все, как она хотела. Земля.

Что она скажет ему, ведь совсем не подготовилась? Отсюда до автомастерской всего несколько домов – вчера она весь вечер изучала карты Бердинска.

Почему-то неуверенной стала походка, и зажило собственной жизнью в груди сердце – затрепыхалось обеспокоенно и быстро. А Эмия пила давно забытые ощущения и чувства, как недавно Калея нектар – с упоением и наслаждением. Все подряд: страх, неуверенность, робость, тревогу – как это, оказывается, красиво – быть человеком. Как трепетно...

На перекрестке она свернула направо и практически сразу увидела одноэтажное некрасивое здание-коробку с длинной лентой-надписью под крышей «Автотехцентр «Спектр».

А после его, Дарина, который курил вместе с приятелем у открытой двери гаражного бокса.

У нее пересохло во рту.

Одно дело – копия в виде Павла, другое – живой человек, настоящий. С эмоциями, пережитым опытом, привычками, характером. И на короткий миг Эмии показалось, что она недооценила поставленную перед собой задачу.

Заколебалась и тут же встрепенулась – полчаса назад сделалась человеком и уже поддалась волнению?

«А здесь действительно накрывает. Так и поверишь, что бессилён перед обстоятельствами...»

Только она не человек, а Эфина. И времени в обрез.

Как только загорелся зеленый, Эмия шагнула на замызганную и бесцветную, как и весь город после долгой зимы, «зебру».

(Danny Wright – Still)

– Девушка, Вам чего?

Пахло сигаретным дымом.

Черноволосый сосед Дарина разглядывал подошедшую девушку со смесью веселья и удивления, Дарин равнодушно и чуть исподлобья. Когда разглядел лицо гостьи, сморщился, будто от головной боли, после нахмурился и отвернулся.

- Вы по поводу «Опеля»? Он еще не готов. Часа через два приходите.

Чувствовалось, что веселый друг вовсе не прочь поговорить, но Эмия на него не смотрела.

Синяя стеганая куртка, поднятый ворот; отросшую и спадающую на лоб челку трепал шальной ветер. А глаза все такие же – настороженные, невеселые. Губы поджаты; сигаретный дым он выпускал через ноздри умело и устало.

- Дарин Войт? Мы можем поговорить.

- С «тобой»? – тут же заглумился друг. – Дар, а ты не говорил, что замутил с красоткой! Как Вас зовут, милейшая? Я – Стас.

- Наедине, – с нажимом, игнорируя Стаса, произнесла Эмия.

- Ну, не хотите, как хотите...

Протянутая ей для знакомства рука исчезла.

- Вы кто? – выдохнул после очередной затяжки Дар. – Если по мотоциклу, то он еще...

- Я по другому поводу. Отойдем?

На нее смотрели неприязненно и недоверчиво.

– Что Вам?

Куда-то подевалась и вежливость, и официоз. Как только Дарин понял, что перед ним не клиентка, то моментально растерял всякое терпение.

– Мы знакомы вообще?

– Мы знакомы... заочно, – отозвалась Эмия осторожно. – Скоро познакомимся лучше.

А на лице напротив крупными буквами: «Не люблю ни сюрпризы, ни незнакомцев». Он вообще, по-видимому, мало что любил в этой жизни.

– Ты – Дарин Войт, двадцать четыре года. Родился в Бердинске, в роддоме номер два, откуда почти сразу же отправился в интернат, так как от тебя отказалась мать. Ты – «чент»...

Если бы она в этот момент пинала его по яйцам, а заодно обзывала бы «ссыклом и гребаным ублюдком», то и в этом случае выражение на лице Дарина выглядело бы приветливее, чем теперь. Куда-то в сторону полетела недокуренная сигарета; на челюсти напряглись желваки. Но Эмия знала, что делала, и потому тараторила, как автомат.

– Ты родился седьмого апреля, но до своего двадцать пятого дня рождения ты не доживешь, потому что в запасе у тебя осталось ровно тридцать дней...

– Ты... кто такая вообще?

Он уже ее ненавидел – она только что безжалостно вколотила гвоздь в самые больные места.

– Я? Эфина.

– Эфина?!

Эмия никогда не слышала столько насмешки и презрения в голосе одновременно.

– Вали домой, Эфина, поняла?

Да, здесь знали о Богах и Верхнем Мире, хоть с небожителями сталкивались не часто. Гораздо чаще после того, как в лесах возникли Ворота, но все-таки редко.

– Я хочу тебе помочь.

– А я просил? Давай, вали домой, наверх или в психушку. Вали, поняла?

Ее гнали с таким напором и злостью, что кожа Эмии пузырилась от невидимых ожогов.

– Ты не понимаешь, всего сто единиц манны – они все для тебя изменят. И они у меня есть.

Он плюнул ей под ноги, а после резко развернулся и зашагал прочь.

– Ты сможешь сделать свою жизнь бесконечной. Как у других.

– Пошла прочь! – прорычали ей, не оборачиваясь.

Коротковолосый затылок; поднятый воротник куртки. Резвый ветер дул так, что у нее заиндевели и щеки, и нос.

Когда раздраженный мужчина скрылся в недрах гаражного бокса, Эмия вдруг ощутила, что растеряна – куда ей идти? За ним? Куда-то еще?

Сменился на красный сигнал светофора – встали машины; тронулся по зебре одинокий пешеход. Зеленый, снова красный, снова зеленый...

Выглянул из-за створки двери «друг Стас», отыскал глазами стоящую у угла дома Эмию и тут же скрылся внутри. Доложил, наверное, что враг все еще «у ворот».

Носки ее сапог залил мутной жижой проехавший на высокой скорости грузовик.

* * *

(Pianomania – Прощай, жестокий мир)

В интернате, где он рос, им часто читали сказку про Великих Эфин, которые иногда спускались с небес, чтобы помогать людям. Он верил в нее с такой яростью и нажимом, как не верил в то, что за ним когда-либо придет мать.

Мать не придет. Приходили за другими детьми из других интернатов, но не за «чентами». Кому нужен ублюдок? «Даром» его, наверное, прозвали в честь дара Богов – первого в семье ребенка, – но он оказался проклятьем. Тихим, угрюмым сорняком, вырванным из почвы сразу после рождения, но не потерявшим желания прожить свой короткий срок хоть как-нибудь.

Заветную сказку он помнил слово в слово – для него, маленького, священное писание: «Коль будешь ты добрым сердцем, открытым миру, смелым и сильным, сумеешь пройти три испытания, а после я дам тебе то, чего желаешь ты, – жизнь долгую, почти бесконечную...»

Маленький Дар обещал себе быть смелым. И еще самым добрым, самым сильным, самым...

Он упрямо сжимал зубы и терпел, когда его колотили под лестницей, – ведь смелые не бьют врагов (понял, что бьют, но позже), прилежно учился читать и писать (Бог ведь выберет достойного и, значит, человека ученого?), не плакал, когда отбирали игрушки, – учился делиться, хоть и жалко... Зубрил учебники, которые другие закидывали под кровати, воспитывал себя стойким.

«Он вырастет достойным. И Великий Эфин увидит в нем настоящего человека, получившего по ошибке короткий жизненный срок, обязательно исправит несправедливость...»

За окном часто шли дожди, покрывалась озерами луж ведущая к центральному входу детского дома дорожка; мок вдалеке ржавый забор, сквозь который просматривалась улица. Дар пристально разглядывал прохожих – каким он будет, его Бог?

Летел над улицами снег, вставало солнце, вспыхивали и гасли дни – всё мимо, все бегом. Таяли сугробы, распускались почки, выстреливала листва. Становились тесными чужие ношенные вещи – ему выдавали новые. Такие же ношенные, чужие. Стаптывались одни ботинки за другими, все басовитей голосили ребята на игровой площадке; младшая группа пополнялась новыми «уродами» – ни в чем неповинными малышами, родившимися с меткой на запястье.

Он иногда ходил на них смотреть. Осторожно гладил по мягчим щечкам, спящих.

Великий Эфин все не приходил.

И росла вместе с Даром мысль – может, он недостаточно хорош? Не настолько смел, добр, честен, чист?

Отчаяние росло вместе с разочарованием.

В автомастерской он доживал свои последние дни. Давно научился существовать параллельно с этими стенами, запахами машинного масла, железа, бензина, научился соседствовать с людьми, не пересекаясь и не впуская их в свою маленькую вселенную. Для чего? Коллеги? Да. Но друзья не для него, равно как и нормальная семья – жена, дети, внуки. Кто захочет рожать от чента? А вдруг ребенок тоже родится уродом? Дур не находилось.

На его запястье давно тату, скрывающее метку, – вместо точки и окружности птица и солнце. Символ души, вырвавшейся из круга, символ надежды. Пусть тело – клетка, но он свободен.

– Слышь, твоя знакомая все еще там... – докладывал Стас, внимательно зыряка на перемазанного по локоть в масле Дара. – Так и стоит на углу.

– Пусть стоит.

И больше ничего не добавлял – нырнул, как и привык, в работу, которая, пусть скудно, но кормила, позволяла снимать обшарпанную однушку. Есть, где спать, есть, где выпить утром чай.

- Может, позвать ее сюда? Она там мерзнет.

Дар хмурился и молчал.

Пусть мерзнет, если аферистка. Их таких много лет десять назад развелось – мошенников, пытающихся выжать последние деньги из чентов (заплати, и я продлю тебе жизнь). Они прикидывались Богами, посланниками Богов, непонятно кому платили, чтобы узнать про мутантов, а после с наглыми ухмылками заявляли о том, что «квартира в обмен на жизнь, это ведь не дорого?»

У него не было квартиры. Ни машины, ни скопленных денег – ничего. Бывали ченты, которые жили по сорок-пятьдесят лет – им хотелось пожить подольше, насладиться накопленным, но Дар добра не нажил – этой дуре придется утереться.

«Как можно делать деньги на чужом горе?» Он задавался этим вопросом и не находил ответа. Как? Что у таких людей в груди вместо сердца? И ведь находились те, кто продавал последнее, занимал, отдавал... А после куча заявлений в милиции.

Приладить втулку, закрутить гайку, затянуть, протереть – последовательность привычных действий. На ужин он купит пельменей – хотелось хоть чем-нибудь порадовать себя напоследок.

- Еще стоит, – фраза от Стаса через час.

Пусть стоит.

Он давно не наивен и не верит ни в Богов, ни в ту легенду-сказку. Тем более что первых достоверно никто не видел, а последнюю давно, чтобы не плодить мошенников, перестали читать в детских домах.

В интернат, в котором вырос, он собирался отправить то, что имел: купленный два года назад диван, набор инструментов и коллекцию моделек мотоциклов в количестве восьми штук.

С работы он выходил, подготовленный к разговору, почти остывший.

Девчонку, глядевшую на него со смесью жадности и надежды, увидел почти сразу же и опять против воли вспыхнул:

- Поговорить хочешь? Ну, давай, поговорим...

Ей пришлось пробежать за ним почти два дома, прежде чем он свернул в пройму между пятиэтажками и остановился, намеренно встал в глубокую, полную колотого льда лужу, чтобы у «гадины» промокли ноги.

- Что? Говори!

Она выглядела запыхавшейся, растрепанной, но удивительно настойчивой.

- Дарин, я могу тебе помочь... - повторила слова, проехавшиеся по его мозгу грубой наждачкой.

- Это я уже слышал. Говори! Где мои данные взяла, говори, у кого информацию купила? И еще - зачем?

- Я...

- Что тебе нужно от меня? Денег? - он не давал ей и слова вставить. - Мне, знаешь ли, родители наследства не оставили, как некоторым, - продавать нечего. Нет у меня денег, усекла?

Последнее слово прорычал так зло и громко, что на него испуганно и укORIZненно покосилась проходящая мимо со старой тканевой сумкой старушка.

«Иди своей дорогой, бабуся...» - хотел прорычать, но лишь сильнее стиснул зубы.

Здесь, в невысоком тоннеле между домами, на стенах переливались желтые, отражающиеся от ручьев блики - снаружи садилось солнце.

– Отстань от меня, в последний раз прошу. По-хорошему.

Он готов был дать ей по морде, если придется, – все равно терять нечего.

– Мне не нужны деньги. Зачем?

Его знакомая при этих словах выглядела такой простой и бесхитростной, что, будь он не здесь и не сейчас, а при других обстоятельствах, поверил бы ей безоговорочно. Удивленные и чуть напуганные его агрессией серые глаза, обиженная морщинка на гладком лбу – девчонка будто до сих пор мысленно вопрошала, зачем ей могли быть нужны деньги?

Действительно, зачем, – чуть не крякнул он ехидно. И в очередной раз словил сводящее с ума мимолетностью чувство, что уже где-то видел ее раньше, – но где? Точно не в мастерской, не в магазине возле дома, где брал продукты, не во сне, кажется.

Как будто в параллельной жизни...

Эту мысль Дар прогнал.

– Тогда что нужно?

– Я хочу тебе помочь.

– Помочь? Зачем?

– Ни зачем. Просто так. У меня есть сто лишних единиц манны...

– Манны, значит! – она никак не хотела бросить притворство, и его вдруг покинула злость, оставив после себя едкую усталость. Бессмысленный диалог, бессмысленный спор.

– Скажи, – он вздохнул, – почему ты просто не скажешь: «Заплати мне?» Зачем все это, а? Зачем? Разве у тебя правда нет сердца?

Дар вглядывался в ее глаза так, будто мечтал прочитать в них правдивый ответ.

- Есть! - жарко качнула головой незнакомка. - Поэтому я здесь. Я не хотела, чтобы ты прожил свою жизнь... так.

- Как?

Она мигнула. Мимо них прошли грузная мать с малолетним сыном, следом подозрительного вида мужичок в старой куртке и натянутом на глаза капюшоне. Эхом отражались от стен чужие шаги и хруст льда под подошвами.

- Слишком... коротко. Ты заслужил... лучшего.

- Правда? С чего ты это взяла?

- Не знаю. Почувствовала.

Наверное, будучи маленьким, он ждал именно этих слов и им бы поверил. «Почувствовала» - правильно. Потому что он «растил» себя, делался достойным, стремился стать лучше, и потому что верил, что однажды так и будет. И плевал бы, что пришел не «он», а «она».

Только он давно не маленький, а стоящая напротив аферистка так и не призналась, чего желает на самом деле.

Отвязаться от нее. Купить пельменей - сварить, съесть, покурить. Простой план, но он почему-то все еще торчит в чужом переулке, почему зря сотрясает воздух препирательством.

- Уходи и больше не попадайся мне на глаза.

- Но я не мошенница!

- А кто ты?

- Эфина.

Господи, зачем он тратит время?

– Может, докажешь?

В серых глазах мелькнуло растерянное выражение.

Так он и знал. С самого начала. Собирался развернуться, чтобы уйти, когда девушка спешно выпалила.

– Мне надо, чтобы было темно... Темнее, чем здесь.

И он удивился самому себе, цинично хмыкнув:

– Без проблем. Дуй за мной.

После чего, не оборачиваясь, зашагал к ближайшему подъезду.

Здесь пахло высохшей мочой и жареным луком. И еще отходами.

Он завел ее на один пролет выше первого этажа, туда, где на стенах висели старые развороченные почтовые ящики – почти все пустые. Газеты валялись рядом, в углу, – тот, кто их принес, не стал утруждать себя лишней работой.

Дар не понимал, зачем стоит здесь. Зачем вдыхает смрад из мусоропровода, смотрит на умалишенную, которая в очередной раз оглядывает собственное тело, будто пробует почувствовать себя впервые. То кулаки сожмет, то ладонями покрутит, то зажмурится. И все что-то тихонько бормочет.

«Он здесь, чтобы убедиться, что не пропустил нечто важное». Чтобы мальчишка внутри него не взялся упрекать в том, что «Эфина пришла, а ты прогнал...»

Что ж, вот она – Эфина (не прогнал, видишь?) Пыжится, кряхтит, пытается из себя что-то соорудить, но не выходит. Вот и наигралась в богов.

– Хватит, надоело. Я домой.

Он идиот. И почему-то чертовски устал. Уже будто и не до пельменей – просто поспать бы...

Дар успел прошагать вниз ступеней шесть, когда услышал натужное:

– Смотри!

И повернулся, уже не ожидая увидеть ничего, кроме того, что видел до того – придурочную, упертую, как баран, девчонку. Наверное, в самом деле сумасшедшую.

Но ошибся.

Девчонка осталась собой – верно, – но пространство вокруг нее светилось. Тем светом, который не мог создать ни телефон, ни карманный фонарик. Мерцали, как раскаленные, облупленные стены этажа и старые ящики; полыхала оранжевыми бликами скомканная и лежащая в пасти мусоропровода газета. И походил на освещенный золотыми прожекторами пол.

– Эй... Что это?

Она – девушка, имени которой он не спросил, – водила руками по мерцающему полю, собирала из него разрозненные точки. Собирала их в кучу, а заодно шептала:

– У меня мало сил, понимаешь? Человеком сложно... Один раз только увидишь.

Эти точки, походящие на светлячков, заморозили Дара более всего – одну из них он попробовал сжать в кулаке, но не вышло – она вылетела из его руки, как живая. И тогда он ощутил странную слабость. Свет в подъезде, аура сияет,... ему не кажется.

– Вот.

«Эфина» собрала все точки в одном месте, придала им форму флакона, направила ему в руки.

– Держи.

И Дар, ощущая себя участником реалити-шоу иллюзионистов, в очередной раз коснулся чего-то теплого и вибрирующего.

– Это манна. Она будет твоей... Поместишь в Жертвенные Ворота, и этого хватит, чтобы продлить...

Всполохи погасли с одновременно ослабевшим голосом. Исчез флакон, блики; газета в мусоропроводе стала (сделалась) просто газетой.

Незнакомка с белым, как бумага, лицом, оседала на пол. Неуклюже рухнула бы, не достав до стены, если бы он не подбежал, не подхватил обмякшее уже тело. В полумраке подъезда увидел, как закатились глаза и сменили цвет на синеватый губы.

– Эй, эй, ты чего? – он держал ее, опустившись на корточки, слегка потряхивал, сясь пробудить. – Очнись, ты, «эфина»...

Девчонка пребывала без сознания.

Что... Куда... Звонить в скорую? В службу спасения?

С этажа выше спустились двое парней лет шестнадцати, окинули Дарина с «ношей» острыми, как бритва, цепкими взглядами. Один из них поигрывал в ладони не то брелоком, не то перочинным ножом. Дар адресовал им вслед не менее злой взгляд – валите, мол, отсюда без вопросов.

А вот когда со второго на лестницу ступила женщину в пальто и тут же принялась охать, что «нужно срочно звонить в скорую...», он поднял «эфину» на руки и засеменял по лестнице вниз – прочь от чужих любопытных взглядов, прочь из чужого подъезда.

Девчонка дышала. В себя, впрочем, пока он пер ее на руках, как герой любовного романа, не приходила.

На него смотрели по-разному: с удивлением, с опаской, с подозрением, любопытством и даже восхищением.

Последнее, впрочем, касалось лишь малолеток женского пола.

Дар на максимальной скорости бежал домой – переулок, двор, детская площадка, обогнуть девятиэтажку...

Он не думал о том, что делает и зачем, – просто знал, что не может оставить лежать ее там, на холодном полу чужого подъезда. И интуитивно чувствовал, что звонить в скорую не нужно, – все образуется.

Ладно, хорошо, он оставит ее у себя, пока не очнется. Поможет прийти в себя, отпоит чаем, а после, они, возможно, поговорят. Об огоньках.

Его квартира была тесной и походила на кладовку. Умещала в себя шкафы у стены, диван, стол, шаткий стул, комод. И ступить негде.

Девушку Дар «выгрузил» поверх потертого клетчатого покрывала, после длительных размышлений, не без труда расстегнул и стянул с нее пальто, повесил его на единственный крючок в прихожей. Вернулся, убедился, что гостя дышит, что сердце бьется хоть и тихо, но ровно, после, как вор, быстро убрал руку с чужого пульса. Отправился на кухню ставить чайник.

Про чайник забыл уже в коридоре. На кухне первым делом открыл форточку, закурил – долго смотрел, как двор тонет в ранних сумерках. Стоял, ощущая себя наивным лохом, и не понимал, как вышло, что на заре собственной жизни он оказался втянут в непонятную историю. Вспомнил о том, что так и не купил пельменей, матюкнулся.

Дребезжал голодным брюхом пустой холодильник – в пачке с беконом осталось две «полоски». Можно поджарить с яйцами – таким завтраком он «баловал» себя вчера.

Прошло пять минут, в течение которых он неподвижно сидел у крохотного кухонного стола на табуретке, смотрел на собственные сцепленные руки. Затем

решился на то, чего раньше бы не сделал – не дал бы «хороший» мальчишка внутри, зовущийся совестью, – но теперь совесть молчала.

Если она аферистка, он должен понять...

Ее сумочка оказалась пуста. Ни кошелька, ни документов, ни расчески, ни помады.

Просто сумочка. Будто только что с рынка – без бирки с ценником, но туго застегивающимися карманами. Новая?

И в карманах пальто ничего – ни ключей, ни автобусных билетов, ни мелочи.

Оставив чужие вещи, Дар отправился курить во второй раз.

* * *

Она открыла глаза и долго лежала, не шевелясь. Разглядывала комнату, в которой намеренно не включили свет, чтобы не мешал спящей, – старые обои, концы которых отвисли у потолка, пыльный комод, маленькие игрушки за стеклом – мотоциклы? Брошенную поверх спинки стула куртку, выглядывающую из-под нее клетчатую рубашку, мигающий лампочкой «дежурю» монитор.

Здесь все хранило историю, каждая вещь. В этой маленькой комнате, как и в любой другой за стеной, все время что-то вершилось, текло, менялось. И становилось прошлым. Потому что время...

Где Дар?

Он сидел на кухне на стуле, выглядел усталым. На вошедшую Эмию посмотрел со смесью тоски и раздражения – свалилась, мол, на мою голову. Рядом остывший чай; из форточки тянуло сквозняком, а с подоконника окурками. Она поежилась и, не спрашивая, прикрыла форточку, повернула шпингалет.

– Как тебя зовут?

Это он ей.

- Эмия.

- Эмия... А документы у тебя есть, Эмия?

- Документы?

- Да - паспорт, права, кредитки... Хоть что-нибудь, на чем написано твое имя?

- Н-нет...

Она, рвась сюда, об этом не думала - зачем? Верила, что хватит слов, привыкла, что правде верят, а ложь за версту чувствуют. Но на Земле не так, на Земле требовались бумажки, а доверия здесь в обрез - дефицит.

- Подожди, - вздохнула, приблизилась к Дарину, коснулась неожиданно твердого мужского плеча - «запиталась». Если не запитается от кого-то, как от батарейки, опять потеряет сознание - уже плавала, знает. - Видишь?

И вызвала в воздухе образ светящегося флакона с манной, которую уже показывала в подъезде. Грустно улыбнулась, увидев вытянувшееся от удивления лицо человека не просто уставшего от бури мыслей, эмоций и неотвеченных вопросов, но человека, находящегося на грани неслышного нервного срыва - немой мужской истерики.

- Он твой. Твои сто единиц - твоя новая жизнь. Когда перестанешь верить, просто посмотри на правую ладонь. Перестанешь - снова посмотри.

И вышла из кухни. Накинула пальто и, ведомая любопытством, пересекла комнату, чтобы выйти на балкон.

Вид открывался так себе, но ей нравилось все: темно-серая лента асфальта вдоль домов, талые пласты снега на газонах - снега грязного, не аппетитного. Когда-то он был белым, но после пыль с дороги, выхлопные газы, грязь. Пустой тюремной зоной смотрелась безлюдная, окруженная сеткой баскетбольная

площадка – внутри ни детей, ни корзин на штангах, ни футбольных ворот. Кто-то смотрит на этот пейзаж всю жизнь, всю жизнь вдыхает одни и те же запахи – сырости весной, одуванчиков летом, прелых листьев осенью, мороза и угля – зимой. В проеме между домами ей были видны торчащие трубы старых и одноэтажных приземистых изб.

Бердинск.

Земля.

Эмия совсем забыла, как здесь сложно – всюду чувства, эмоции, напряжение. И ты, закованный в тело – то тело, которое постоянно отрабатывает химические процессы, – вынужден быть протестированным сотню раз в минуту – поддашься ли очередному страху? Злости? Или же отыщешь в себе силу не только не испугаться, но и найти то, чем поделиться? Здесь будто океан и вечный шторм. С рождения ты маленький и чистый, но месяцы и годы превращают тебя в изношенного препятствиями и обмотанного прочной броней худосочного духа. Мол, не подходи – я уже знаю, как на тебя реагировать, я уже здесь все знаю...

Она действительно забыла. На небе не было шторма – там было спокойствие, где не нужно сражаться и пытаться выжить в бесконечной борьбе за себя самого. А здесь нелепо, ужасно, скоротечно, как в бурлящей реке, где к берегу почти никогда не прибывает. И ты все ищешь руками плот, а ногами дно, все всматриваешься в чужие лица в надежде на то, что кто-то ответит улыбкой, поделится теплотой, согреет пониманием.

Если таких не находится – черствеешь.

Идя сюда, она не подумала о том, что Дарин, в отличие от нее, свои двадцать четыре с лишним года жил в этом шторме. Боролся за выживание, терял выдержку, терпение, надежду, силы. Кто его грел? Когда? Возможно, никто и никогда.

И потому есть шанс, что Эмии он поверить не сможет. Из-за бронебойного кокона «мне было плохо много раз» окажется не в состоянии почувствовать чудо, вид которого с рождения забыл.

Ей хотелось плакать. И это было так трогательно, так нежно.

Эфины не чувствуют боли, но она человек, и у нее в груди ныло от печали.

Сможет или нет?

Начислять баллы, сидя наверху, так легло. Ходить ногами здесь, внизу, тяжело.

Сможет или нет?

* * *

Он смотрел на правую руку так долго, что заболели глаза. Ненадолго клал ладонь на колено, пытался делать вид, что все в порядке, все, как обычно, а потом поднимал и разворачивал.

И на ней прямо под кожей снова плавали, похожие на проникших в его кровь светлячков, огоньки.

Его опоили? Одурманили?

Только он не ел и не пил.

Так устал?

Нет, так не устают.

Вывод напрашивался только один – она говорит правду. Она – Эфина. И только что подарила ему сто единиц манны.

Мозг Дарина, как упершийся четырьмя конечностями перед Жертвенными Воротами баран, отказывался поверить в «очевидное».

Что же это за светящиеся точки?

Он тер ладонь, чесал ее, пытался их поймать... Надавливал, тряс рукой, даже хлопнул ей по столу так, что дрогнул стакан и ложки.

Огоньки, как непуганые рыбки, продолжали спокойно перемещаться под кожей.

* * *

– Значит, ты... Эфина?

– Значит.

Торчала возле трансформаторной будки, как идеальная проплешина, шляпка колодезного люка. Неслись за пятиэтажкой машины – гудел вечерний проспект. Зажглись фонари.

Эмия чувствовала, как мнется Дарин, – не может ни воспринять тот факт, что она Богиня, ни опровергнуть его. И все сжимает пальцы правой руки, будто влитая под кожу манна жжется или щекочет.

– Смешно, – ему было не смешно. – У меня даже нет хорошего чая...

Наверное, ему вспоминались сказки о том, что нагрывавших гостей – ангелов, колдунов, всяческих жителей небес – следует почивать чем-то вкусным.

– И не нужно.

– И накормить тебя нечем.

Эмия повернулась, посмотрела на него тепло, добро. Улыбнулась.

– Бывает и так.

– Я... Прости, если это невежливо, но сегодня я устал. Мне лучше проводить тебя домой.

Кроткий вздох и смущение.

– Только идти мне некуда. Дома нет, документов нет... Оракул дал мне только одежду и сумку. И еще поместил туда, куда я назвала. По координатам этого места, то есть к тебе.

– Почему... ко мне?

Ему хотелось курить – она чувствовала кожей. И еще он мерз, стоя рядом с ней в одной рубахе.

– Может, пойдем в комнату и там поговорим?

(Poets of the Fall – False Kings)

Себе он постелил на полу и теперь сидел возле запасной подушки, которую отыскал в шкафу, опираясь спиной на рифленую дверцу шкафа. Свет только из коридора – в комнате темно.

Эмия сидела на кровати и говорила...

А он думал о том, что верил в то, что научился сражаться со всем: пацанами, отбиравшими у него стипендию, грубиянами, слишком требовательными шефами, лживыми друзьями. Сумел выжить в неласковом к нему мире, пережил боль от раннего крушения иллюзий, успешно гнал от себя страх скорой смерти.

А вот с ней справиться не мог – со странной гостьей. Слушал про некий Астрей, про порядки на Небесах, про ее работу, танец с роботом, и все никак не мог понять – выдумка это или правда? Пацан внутри него вдруг ожил, воспринимал каждое слово былью, но взрослый уже и рациональный Дар знал: сказок нет. Нет их.

Он так и заснул, постепенно склонившись к подушке, лежащей поверх старого матраса, – слушая про собственное фото на ее мониторе, про Оракула, про Старших, которые гнались за ней по пятам...

Глава 4

Ранним утром, проснувшись, Дарин чувствовал себя тяжелым, как мешок с песком. Усталым, невыспавшимся и таким же напряженным, как накануне вечером. А когда понял, что дерьмо, в которое он влип, оказалось, увы, не сном, а самой что ни на есть настоящей явью (свисающая с дивана женская рука была прямым тому доказательством), пулей подскочил с лежанки. Порадовался тому, что вечером лег, не раздеваясь, покинул комнату, снял с вешалки куртку, натянул кроссовки...

Серые и промозглые после холодной ночи дворы пустовали. Еще толком не рассвело, не открылись детские сады, не выгуливали сонные хозяева рвущихся отлить на остатки сугробов псов.

Он шел так быстро, как мог, чтобы не бежать. Куда? Сам толком не знал. Закрыл Эмию в квартире на ключ и теперь терзался угрызениями совести, потому что знал правила безопасности. Он на четвертом... Если пожар, ей прыгать с балкона... И шипел на себя за сумбурные, полные беспокойства мысли.

Не будет никакого пожара. Вовек не было, с чего бы ему сейчас?

Кнопки чужого домофона принялся нажимать тогда, когда ни в одном окне еще не горел свет.

- Стас? - произнес с нажимом, когда из динамика ответили сразу матерком, вплетенным во фразу про «знаешь, который час?». - Стас, это я,пусти!

И выдохнул с облегчением, когда спустя несколько секунд заплакал на весь двор сигнал открываемой двери.

Первый барьер пройден. День уже почти можно считать удачным.

- Ты чего? Случилось что?

Друг стоял на пороге и выглядел теплым и вялым, едва выбравшимся из постели. В халате, в тапках на босу ногу, взъерошенный. Из комнаты доносилось недовольное сопение и шорох простыней.

- Слышь, посмотри на одну штуку, скажи, что ты видишь.

- Ты подождать не мог? Хоть до обеда?

- Не мог.

Дар, неуверенный в том, что поступает правильно, стянул кожаную перчатку. Развернул правую руку ладонью вверх, поднял повыше.

- Скажи, что ничего не видишь? Что у меня глюки. Ведь просто ладонь?

Стас приклеился глазами к чужой конечности - уставился на нее с любопытством, как на инопланетный прибор.

- Как ты их туда загнал? Трюк что ли какой? И вообще, ради этого спозоранку... Детворе фокусы показывай.

- Стас, кто там? - донеслась из комнаты произнесенная женским голосом фраза - фраза с подтекстом «закрывай уже эту долбанную дверь и возвращайся в кровать».

- Иду!

- Значит, видишь?

Дарин чувствовал, как дерьмо засасывает его все глубже. Значит, не опоили, не глюк, не привиделось.

- Ну, фонарики. Слышь, а ты как их туда загнал?

Кажется, Стас начал просыпаться; Дар неестественно весело улыбнулся и почувствовал, как стали каменными от напряжения внутренности.

Он влип. И не стоило в это втягивать кого-то еще, но он должен был проверить.

– Хороший фокус?

– Покажи еще?

– Потом.

Он уже натягивал перчатку.

– Слышь, ты все-таки осел, что из-за этого меня разбудил. Ну, красиво, но время-то еще...

– Ладно, извини. Я побежал.

– Идиот.

– И тебе всего хорошего.

В спину ему ударил лязг захлопнутой металлической двери.

Во дворе светало.

Какие варианты? Какие у него, мать его, варианты?

Почему тогда, когда он дрался один против четверых, и то чувствовал себя увереннее, чем теперь? Почему струхнул перед помешанной девкой?

Он сидел на вросшей в снег и потому не вертящейся детской качеле-вертушке в незнакомом дворе. Чувствовал, как мерзнет от холодной металлической дуги сквозь джинсы зад, ощущал себя партизаном, которого насильно пытаются завербовать в шпиона, – не выйдет. Он найдет выход, отвяжется от нее, отыщет объяснение «фонарям» на ладони.

Дерьмо.

Как назло забыл сигареты – хотелось сплюнуть на землю.

Написать заяву в милицию? Сказать, что его преследует сумасшедшая? Пусть рассказывает свои сказки ментам, пудрит им головы и объясняет причину отсутствия в сумке документов...

Ментам – это жестко. И трусливо. Он же, в конце концов, не малолетний пацан.

Вышла из крайнего подъезда тетка, положила ключи в карман, зашагала за угол – к остановке; Бердинск начал просыпаться.

«Просто выгнать ее...»

Пусть идет, куда хочет, – он не обязан терпеть навязчивых личностей.

Может, уехать самому?

Куда? К несуществующим родственникам, поджав, как пес, хвост? Ему не к кому ехать. Не на чем, не на что, некуда – у него денег полторы тысячи рублей.

И еще этот чертов мальчишка внутри – тот самый, который так и сидел у детдомовского окна на подоконнике. Она ведь пришла, Дар? Она пришла...

– Она не пришла, – процедил вслух сквозь зубы. – Кто пришел, я не знаю, но это точно не она.

Мальчишка с ним больше не разговаривал.

* * *

– Давай, в общем... ты уйдешь.

Она смотрела на него теми самыми серыми глазами, которые он почему-то помнил – знал еще до встречи.

– Мне... некуда.

– Не мои проблемы.

Он говорил, глядя в сторону, как бездушный мудака.

«Просто отделайся от нее».

И переминался с ноги на ногу – мол, я жду, мне на работу пора.

Когда незнакомка надела пальто и повесила на плечо сумочку, глухо попросил:

– И огоньки свои заberi. Манну свою. Мне не надо.

Качнулась голова. Пересекая порог, гостя остановилась.

– Отнеси их к Жертвенным Воротам. Когда придет срок. Это... подарок.

И она неслышно и невесомо протиснулась мимо него на выход. Застучали по бетонной лестнице ее каблуки.

* * *

(Skylar Grey – I Know You)

На качелях с ночи еще остался иней, но это ничуть не смущало смеющегося малыша лет трех, которого качала мать. Под ногами, не достающими до земли, застыла покрытая льдом лужа; вокруг урны деловито ходили туда-сюда голуби – изредка клевали пустую кожуру от семечек.

Эмия чувствовала себя опустевшей и обессиленной.

Почему так? Что она сделала неверно, что сказала не так? Или, может, она просто недостаточно хороша? Некрасива?

Ее терзало непривычное чувство вины, и заглядывала в глаза обида, спрашивая, мол, давай тоже создадим кокон? Сделаем выводы, защитимся, отрастим клыки и когти, чтобы ни один придурок больше...

«Нет», – мысленно качала головой незаметная ни матери, ни ребенку на площадке девушка в бежевом пальто. Она не будет кутаться в броню, не будет за одну-единственную неудачу мстить каждому первому теперь мужчине. Она не станет делать выводов, потому что выводы – это неправильно в целом, нужно просто уметь переживать то, что есть, без обид.

Мальчик, одетый в толстую вязаную шапку и синюю дутую курточку, улыбался миру так открыто, что у Эфины замирало сердце. Она хотела бы вот так же, как эта молодая мать, смотреть на своего любимого сына, качать его на качели, отвечать на звонки любимого мужчины: «Да, дорогой, все хорошо! Ждем тебя вечером дома, уже соскучились...»

Она выбрала для этого Дара. Хотела предложить ему самое ценное, что имела, – себя, свою теплоту, любовь. Пусть ненадолго, на тридцать дней, но все же. Прожить их совместную короткую историю про «долго и счастливо» – без детей, конечно, без продолжения.

Но не случилось даже начала.

Что-то пошло не так – наверное, защитный кокон Дарина оказался слишком плотным, запертым наглухо – без окон, как говорится, без дверей. Даже без щелей.

И свет Эмии в него не проник.

Она устала мерзнуть. Ей хотелось есть, хотелось согреться. Но больше всего хотелось позволить себе обидеться и обвинить в случившемся кого-нибудь еще, но только не себя саму.

Вместо этого она поднялась с лавочки и побрела в сторону проспекта.

Место, с которого она сошла, тут же отправились исследовать любопытные и такие же, как она, голодные птицы.

Холодные пальцы, будто надеясь чудом наткнуться на завалявшуюся монетку, скребли и скребли изнутри по шелку карманов – тщетно.

Эмия пожала плечами и встала в очередь к киоску, торгующему сытными на вид лепешками с мясом – сытными они смотрелись уже на картинке, прикрепленной изнутри к стеклу, а в реальности выглядели еще лучше. В хрусткой бумаге, с запахом жареного лука, чесночного соуса и чего-то еще...

Перед ней три человека – два мужчины и одна женщина. Каждый, приближаясь к окошку, доставал из кошелька деньги, и Эмия снова и снова корила себя за глупость: она забыла сказать Оракулу про монеты. Почему-то напрочь запомнявала о том, что здесь, на Земле, они могут понадобиться.

Обслуживали быстро. Забрал из окошка свой заказ мужчина; следом женщина. Она вгрызлась в свой завтрак, не отойдя двух шагов от киоска, – развернула бумагу, оторвала смачный кусок от лепешки, и во рту Эмии образовался слюнный потоп.

– Мне бутылку «Карамельки».

Оставшийся перед ней клиент рассчитался быстро, и настала ее очередь. Из недр теплой будки на нее взглянул молодой парень, одетый в желтую кепку с козырьком.

– Доброе утро! Чего желаете?

– Можно мне, – Эмия замялась, – лепешку, как той женщине?

– С беконом и сыром? Конечно.

Хоть женщины уже и след простыл, продавец понял, о ком речь.

– Попить?

– Да, можно и попить.

- Газировка, чай, кофе, сок?

- Мне бы... воды.

- Холодной? Комнатной?

- Обычной, комнатной.

- Хорошо.

Застучали по кнопкам калькулятора пальцы с аккуратно остриженными ногтями; бурлил проспект - останавливались и уезжали от остановки автобусы; взирали серыми от грязи боками стоящие перед светофором машины. Привычно не смотрели друг на друга люди.

- С вас двести пятьдесят три рубля, пожалуйста.

Эмия поежилась от дополнительного холода - на этот раз изнутри.

- Мне... просто так. Пожалуйста.

- Что?

Чтобы расслышать ее слова, парень даже нагнулся - теперь его лицо почти лежало на столешнице.

- Мне... просто так. Без денег. Если можно.

Щека оторвалась от столешницы - продавец разогнулся и несколько секунд смотрел на нее с удивлением, будто все еще ожидая, что Эмия вот-вот достанет из сумки кошелек и признается, что пошутила. Но она лишь нервно сглотнула.

- Простите, но без денег еду не продаем.

С постера слева на нее смотрели сразу пять жирных бутербродов - новинки.

– Никакую? Может, такой бутерброд?

– Никакую.

За ней в очередь пристроился молодой парень, нервно взглянул на часы. И его нервозность передалась продавцу.

– Вы будете платить?

– Но мне нечем...

– Тогда, пожалуйста, отойдите.

– Пожалуйста, дайте мне хоть что-нибудь.

– Еда для бездомных есть только в приютах. Следующий!

И рот продавца захлопнулся, как дверца дворцового сейфа. Пелена безразличия на глазах и выражение лица, будто ее больше не существует.

Парень позади заказал бургер с холопенью и мясными крекерами.

Бердинск жил привычной жизнью. Стыл, продуваемый ледяным мартовским ветром проспект Мира; раскачивались из стороны в сторону голые лапы лип. Поток машин, электрические провода над дорогой, абрис высокого крана над крышей старой библиотеки.

Эмия напряженно думала о том, что можно, конечно, убить тело и вернуться наверх максимально быстро, но вот беда – убивать тело ей не хотелось. Новое, человеческое – оно уже ощущалось ей родным, привычным, сложным и почему-то нежно любимым. К тому же, зачем торопиться в Астрей, когда ее время на Земле еще не вышло? Нужно просто научиться существовать в социуме, о котором она, разнеженная налаженным бытом небожителей, совершенно забыла.

Да, здесь сложнее и жестче, но ведь люди живут? Значит, и она сможет.

Мимо нее проплыли три одинаковых желтых пятиэтажных дома; затем начались дома пониже – с бордовыми и треугольными крышами. Прошел мимо, жуя жвачку и думая о чем-то своем, школьник с ранцем за спиной.

«Приют для бездомных» – это хорошее место? И, если да, то как его найти?

Приют был забыт, когда на пути ей встретился храм и сидящие вдоль стрельчатого забора старушки, в ладони которых прихожане щедро сыпали мелочь.

Недолго думая, Эмия тоже устроилась на парапет, вытянула перед собой ладонь.

На нее косились, тщательно скрывая неодобрение, – она как можно честнее и открытее улыбалась в ответ. Все ведь тут, мол, в одной лодке?

Молодых, как она, у забора больше не было – все только крестящиеся и шепчущие благодарные слова бабки, в руки которых иногда падали монетки разного достоинства.

– Храни тебя Бог, милоч! Здоровья, богатства, благополучия...

– Спасибо тебе, мил человек!

– И в мою положи...

Эмию прихожане почему-то обходили, но она продолжала тянуть вперед руку.

Зыркал острыми шпильями в синее небо собор; распогодилось. Прогрелся на градус-два воздух, и как будто сделалось легче жить.

– Все мы там будем, – печально и смиренно глянула сначала на небо, затем на молодую соседку морщинистая бабулька справа. – Всех он нас примет, всех

обогреет.

- Кто - Кронис? - искренне удивилась Эмия и тут же получила в ответ такой взгляд, будто она ведьма с поселившимся внутри дьяволом.

- Какой еще Кронис, типун тебе! - бабка теперь крестилась, глядя на Эмию. - Отец наш Единый - Всевышний.

«А кто там выше Крониса?» - думалось ей с изумлением.

- Там точно кто-то есть, но этого даже нам - Эфинам Астрей - не говорят. Знаете, утверждают, что мы сначала должны провести в праздности не одну тысячу лет...

Ей пришлось покинуть место у забора под неодобрительный шепоток и укоризненные взгляды.

На синей и матовой от ветра поверхности пруда сидели белые птицы. Иногда они подлетали к подросткам у дальнего изгиба, крошившим хлеб, закладывали сложные пируэты, дрались, улетали, держа в клюве крошки. Стыли вдоль невысокого ограждения, крупные и непонятно зачем привезенные сюда булыжники - на такой ни забраться, ни посидеть.

Больше, чем есть, Эмии хотелось пить.

Расслабленный и ленивый, тянул в утренний час, опираясь на столб, газировку немолодой мужичок в кепке. К нему Эмия и подошла.

- Доброе утро.

Веселый взгляд из-под густых бровей. Мужичок оказался невысоким, ниже Эмии.

- Доброе.

- Скажите, а где здесь можно попить?

– Попить? – он почти не удивился или же прикинулся таковым. – Вы имеете в виду воду?

– Да.

– Купить можно – вон киоск, видите?

– Но у меня нет денег.

Теперь на нее смотрели иначе. Внимательно присмотрелись к лицу, ощупали взглядом сузившихся глаз одежду – мол, наркоманка или нет? Вроде не попрошайка, приличная.

– Тогда у себя дома, если бесплатно.

– Но у меня нет дома.

Он мог бы задать ей тысячу вопросов – мол, как это, нет дома? Откуда ты, почему на улице? Почему без паспорта и без копейки денег? Мог послать ее куда подальше, мог дать бесплатный совет, как жить или попросить отправиться в другую сторону.

Вместо этого мужик протянул ей бутылку.

– На.

Эмия стиснула пальцами горлышко.

Незнакомец тут же оттолкнулся от столба, вжал голову в плечи и быстрым шагом отправился прочь – подальше от странных, будто незримо заразных проблемами незнакомок и их «сложных ситуаций».

В ее руках осталась наполовину наполненная пузырящимся напитком чужая бутылка.

Нагло и радостно, приветствуя новый день, кричали чайки.

На этикетке две спелые груши и надпись «Вода фруктовая». Дальше ГОСТ номер, срок изготовления, состав.

Эмия читала его автоматически: вода, сахар, концентрированный сок груш, – и думала о том, что оттуда, из Астрея, ей все казалось скучнее и проще – одним прибавить манны, у других отнять. Оттуда ей не было видно, что людская жизнь, состоящая из утр, дней и вечеров, меняющих друг друга по кругу, есть не что иное, как поле боя. Поле боя с самим собой, где каждое сражение – битва за возможность продолжать быть самим собой, человеком теплым, открытым, не ожесточившимся. И ей не было видно, насколько это тяжело. Тогда она поражалась количеству жестоких поступков, а сейчас вот этой самой пожилой женщине, крошившей булку голубям, она бы добавила десять единиц манны. Просто так. И вон тому старичку. И молодой девчонке, прижавшей к уху телефон... Лишь для того, чтобы они не утратили веру в чудо, в то, что в их жизнях способно происходить хорошее.

Если они останутся стойкими.

А она сама останется?

С того момента, как она покинула квартиру Дара, прошло всего три часа, а ей казалось, что очень долгая и изнурительная жизнь, в которой Эмию уже протащило через огонь, воду и медные трубы.

Где ей взять деньги? На что купить еду? Своровать?

Тогда Калея будет вынуждена вычесть со счетчика очеловечившейся подруги примерно три единицы манны, а это очень много.

Представив лицо подруги, взирающей на коллегу через экран монитора, Эмия неприлично громко расхохоталась.

Вот забава! Просто умора...

Но уже через минуту ее вновь похоронило под собой то, что преследовало с рассвета, – чувство тотальной беспомощности.

* * *

(Ирина Дубцова и Романченко – Живи)

Дар работал с забинтованной рукой.

Стас дважды просил показать «фонарики», но его отбрили, сообщив, что неудачный фокус повредил ладонь.

О том, что под бинтами фольга, Дарин сообщать не стал.

Он винтил, смазывал, крутил, сверлил и варил железо, натянув защитную маску, и каждую минуту этого долбанного дня ощущал себя злым, как пес. Сам не знал, почему. Просто злым, полыхающим изнутри.

Наверное, потому, что выгнал человека на улицу. Потому что не смог поверить в чудо. Потому что чудес не существовало.

И ныла, как гнилой зуб, совесть – что с ним, черт побери, случилось? И случилось ли? Или... жизнь?

До самого обеда он убеждал себя, в том, что поступил правильно, и гнал мысли об Эмии из головы. Слишком громко стучал молотком, слишком резко, будто сворачивал чужую шею, закручивал гайки, слишком часто смотрел на ладонь, где ему, несмотря на фольгу и бинты, мерещился пробивающийся свет.

Почему она отказалась забрать его с собой?

Обедали, по обыкновению, в каморке позади комнаты администратора, и то было самым неудобным местом, которое ему доводилось видеть. Не кухня – грязная кладовка с дребезжащим холодильником, вечно невымытым столом и пятнами застарелого кофе на дешевой скатерти.

Достав с полки бутерброд, который сам же положил туда несколько часов назад, Дар развернул целлофановую упаковку, уселся на расшатанный стул и, стараясь не смотреть на плинтуса, принялся сосредоточенно жевать. Местные плинтуса – воплощение человеческой жадности и разрухи – старые, изъеденные плесенью, раскрошившиеся. Ему казалось, что за ними шныряли и крысы, и тараканы, и тот факт, что он никогда не видел ни тех, ни других, не разубеждал Дарина в существовании здесь паразитов.

Кофе, заваренный в местной воде, всегда имел затхлый вкус. Наверное, потому что никто и никогда не ополаскивал чайник.

Она что-то сдвинула в нем, сломала. Одним нелепым движением снесла крышу домику, который он столь тщательно возводил, призывая себя не думать о скорой кончине. Он в стенах, все привычно, хорошо, смерть еще не близко...

Он врал себе, но в этом вранье ему было удобней, чем в нынешней мозговой наготе, в правде.

И с сегодняшнего дня почему-то начал задыхаться в этих самых стенах.

Зачем он решил доработать до самого конца? Может, лучше попутешествовать, как когда-то хотел? И плевать на деньги, плевать на все...

Эмия разворошила в его голове улей.

Богиня? Сумасшедшая девчонка?

Бутерброд казался таким же пыльным, как эта мастерская, хоть дата на упаковке стояла сегодняшняя. Колбаса оказалась тонкой, как бумага, помидоры – красными раздавленными кляксами, майонез – безвкусной зубной пастой. За что он заплатил пятьдесят девять рублей – за старый хлеб?

Зашел и вышел, разговаривая по телефону, Стас – готовился идти на чей-то день рождения, сообщал, что не выпьет больше четырех бутылок пива за вечер...

Пиво. Забыть. Давящие на череп стены. Нет, он, похоже, не доработает.

Обед уже подходил к концу, когда Дарин вдруг подумал о том, что все равно в конце пойдет к Жертвенным Воротам. Нет, не для того, чтобы получить вечную жизнь, но, чтобы убедиться, что чудес не существует. Он ляжет там же, как бездомный пес, – где-нибудь среди деревьев. Его уберут потом – сторожа или те, кто придет к Воротам позже...

Думать о собственном трупе было неприятно, и Дарин устало потер глаза. А следом мысль: а, если, правда? Что, если те огоньки, которые пока хаотично бродят внутри его ладони, на проверку окажутся манной? И Ворота примут ее в обмен на новые долгие годы? Бред, но вдруг?

Он снова почувствовал себя дураком. Зачем вообще думает об этом?

Но. Вдруг?

И малодушно сознался себе, что в этом случае ощутит себя мелким человеком – эдакой неблагодарной скотиной, которая, получив подарок Бога, даже не сказала «спасибо».

Неужели эта версия имеет право на жизнь?

Он завис на этой абсурдной мысли. Его нетронутый кофе с бурой, похожей на морскую грязь пеной по краю кружки окончательно остыл.

Текли минуты; из мастерской доносились голоса, веселые матерки, музыка, а Дарин все никак не мог ответить себе на один-единственный вопрос: чего он так испугался этим утром – того, что она сумасшедшая? Или того, что Эмия в самом деле могла оказаться Эфиной?

Он даже чаем ее не напоил.

Ну, и оставил бы у себя еще на сутки-двое. Что потерял бы? Глядишь, разобрался бы в ситуации. Наихудший исход: она вынесла бы со съемной квартиры все ценное в виде старенького компьютера, монитора и утюга. Ничего, сообщил бы арендатору, что возместит урон позже. А возмещать бы не пришлось ввиду скорой смерти...

Кажется, он не выспался. Или переутомился. Или попросту сходит с ума, потому что до сих пор сидит на кухне, которую терпеть не может и никак не может вообразить, что проработает в этой чертовой мастерской еще хотя бы сутки.

Зарплата завтра. Чего он ждет?

Зачем подышать в нелюбимых стенах? Не увидев мир? Даже не попробовав выбраться из картонной коробки, которую сам же ошибочно именовал «зоной комфорта»?

Кружку он поставил на стол спокойно, без неприязни и стука. Крошки с ладоней аккуратно стряхнул в урну – не мимо.

Сегодня вечером он зайдет (пусть и не по пути) в большой супермаркет и купит самых вкусных в Бердинске пельменей.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее прим. автора.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/veronika-melan/poobeschay>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)